

642
ЖОВОЖ

ВРЖИЯ

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ М. А. СУВОРИНЪ.

БЪЛГРАДЪ, Воскресенье 28 сентября 1924 г.

ЖУРЬ-ФИКСЬ.

Тѣснота бываетъ иногда уютной. Вотъ и сегодня, въ офицерскомъ собраніи особенное оживленіе. Народу уже такъ много, что удивляешься, куда умѣщаются всѣ вновь прибывающіе. Собраніе маленькое; въ сущности, это — частная квартира, приспособленная подъ собраніе. Кромѣ длиннаго стола, за которымъ мы сидимъ, въ комнатѣ едина помѣстилось еще два маленькихъ столика; та же картина и въ другихъ комнатахъ. Становится тѣсно, но уютно...

Говорятъ, что особенно много народа собралось сегодня, потому что общалъ пріѣхать генераль Врангель. Дѣйствительно, къ большому огорченію Милюкова съ Керенскимъ, то-и-дѣло разговоръ возвращается къ нему.

— Пріѣдетъ ли? — слышится всюду. Напряженіе ожиданія становится все сильнѣе. Но вотъ около 10 часовъ вечера въ одной изъ дальнихъ комнатъ слышится: „Господа офицеры!“

— Пріѣхал! — радостно отдается въ остальныхъ.

Генераль Врангель въ формѣ. Онъ съ супругой и адъютантомъ занимаютъ столикъ и начинается программа концерта. Въ перерывахъ между отдѣльными номерами программы генераль Врангель обходитъ знакомыхъ; подсаживается къ столу первопоходниковъ.

О чемъ говорятъ въ офицерскомъ собраніи со старшимъ начальникомъ? Слушаютъ? Нѣтъ, здѣсь даже не слушаютъ, а влюбленно ловятъ слова. Я смотрю на радостныя лица и невольно думаю, какая тайна связала этихъ людей. Вѣдь въ сущности того, что называется арміей въ физическомъ смыслѣ, не существуетъ; не всѣ собравшіеся офицеры даже въ формѣ. Но кто изъ нихъ, пришедшихъ сюда прямо съ работы, не считаетъ его своимъ Главнокомандующимъ? Кто изъ нихъ

хоть на мигъ усумнится въ исполненіи его приказа? Трудно представить другого вождя, который послѣ столькихъ испытаній неизбежно сохранилъ свой авторитетъ.

Но если церковь — собраніе въ-рующихся, то, очевидно, что и содержаніе понятія армія — гораздо глубже виѣшней формы.

И я думаю о томъ, какое впечатлѣніе должны производить на этихъ людей плевки на армію изъ „Дней“ и мильковская подтасовка бѣлой идеологии...

Власть — тайна. Но истоки всякой власти въ прошломъ. Наше прошлое не зачеркнуто...

Журъ-фиксъ въ собраніи совпалъ съ традиціоннымъ чаемъ первопоходниковъ, за которымъ они собираются каждый мѣсяць. Но сегодня у нихъ гости: галлиполійцы; за нашимъ столикомъ сидитъ и страстная поклонница арміи, такъ недавно выбравшаяся изъ сов. Россіи — Е. В. Глуховцова.

То, что военные называютъ чувствомъ локтя, — дѣйствительно великая вещь. Это ощущаешь сейчасъ не только физически, сидя въ тѣснотѣ, но и по тому настроенію, которому невольно поддаешься, попадая въ среду своихъ. Уцѣлѣвшіе первопоходники не только — историческая реликвія. Въ каждомъ изъ нихъ — застывшій осадокъ пережитого, скристаллизовавшійся, отлившийся въ сгустокъ, который больше не поддается деформации.

Въ немъ — доблесть старой Императорской арміи, ея традиціи, безумные марши Корнилова, славный походъ на Москву, новороссійскій нордъ остъ, звенящій ледяной вѣнтеръ кубанскихъ степей, выкованная желѣзомъ непримиримость и сжатое тисками воли ожиданіе...

Первый походъ — начало; Галлиполи — продолженіе одной и той же страшной книги судебъ національной Россіи. Оттого бесѣда ихъ — разговоръ людей одной

эпохи. Я почти не говорилъ въ этотъ вечеръ съ Е. В. Глуховцовой, но знаю ея мысли, и мнѣ понятно то чувство, съ которымъ она разсматриваетъ первопоходниковъ. Позади у нея — кошмары Совдепіи, въ настоящемъ — мытарства бѣженства. Но широко раскрытыя глаза ея говорятъ, что нашла то, къ чему стремилась, уѣзжая отсюда. Словно читаетъ, казалось, затерянный въ революціи манускриптъ съ правами на существованіе національной Россіи. Такое чувство испыталь когда-то и я, когда послѣ гнета большевиковъ впервые увидѣлъ волнующій своею простотой мечъ въ терновомъ вѣнцѣ на груди русскаго офицера.

— Было такъ, — рассказываетъ мой сосѣдъ справа одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ, — Екатеринодаръ не взяли. Корниловъ убитъ. Сломлена, казалось, окончательно вѣра въ самое дѣло. Почти всѣ начали расходиться, потому что бессмысленно было противъ очевидно-сти продолжать борьбу... Рѣдѣли полки и роты, оставались только немногіе, вѣрные до конца... И развѣ не былъ чудомъ затѣмъ походъ, когда, опрокидывая полчища красныхъ, мы гнали ихъ за Орелъ... А развѣ теперь не то же самое? Кто можетъ сказать, что можетъ случиться завтра?.. Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ нельзя терять вѣру...

Журъ-фиксъ въ офицерскомъ собраніи почему-то напоминаетъ такой же семейный вечеръ въ маленькомъ гарнизонномъ собраніи въ старой Россіи. Въ стилѣ старой декламации, когда слова не говорятъ, а произносятся, читаетъ дама что-то патристическое о бѣлыхъ орлахъ. Очакстый юноша, напрягаясь изо всѣхъ силъ, старается оглушить публику и почему-то думаю, что съ нами здѣсь и другой чеховскій поручикъ артиллеріи съ длинной нѣмецкой фамиліей — баронъ Тузенбахъ-Краузе-Альтшауеръ, — но гордый тѣмъ,

на этотъ разъ на Гуми-евѣ (1910 годъ).

Въ общемъ бѣлградскіе любители лицомъ въ грязь не ударили, и вся программа проходить съ успѣхомъ. Сіяютъ исполнители, и нѣтъ особой печали на лицахъ публики.

Военнаго оркестра нѣтъ, и рояль старательно выстукиваетъ старые вальсы, забытые па-де-катры, краковьяки и польки...

Кружатся плавно пары; ритмиченъ старый вальсъ, и послѣ теперешнихъ дразнящихъ синкопическихъ фокс-тротовъ чувствуешь себя перенесеннымъ на много лѣтъ назадъ. Въ совершенно другую эпоху. А когда заигралъ кто-то на рояли „Молитву дѣвы“, стало совсѣмъ не по себѣ: далекое, забытое стало почти осязаемымъ. Словно ничего не было: ни войны, ни революціи, ни изгнанія... Словно, какъ раньше, симпатичный докторъ Антонъ Павловичъ щуритъ свои близорукіе глаза, поправляетъ роговыя пенсне и, роясь въ слежавшемся русскомъ бытѣ, вытаскиваетъ одного за другимъ: Иванова съ дядей Ваней, тоскующихъ сестеръ и весь офицерскій составъ армейской батареи...

Алло! Гдѣ вы теперь, полковникъ Вершининъ? Я знаю, что вы, старый мечтатель, любившій пофилософствовать, — съ нами. Служите сейчасъ гдѣ-нибудь въ статистикѣ и, какъ и раньше, вѣрите, что черезъ 100—200 лѣтъ жизнь будетъ прекрасной. Съ нами и вы, молодые безусые подпоручики Роде и Федотикъ (Чеховъ любилъ такіа фамиліи). Только тогда вы оба были похожи другъ на друга, какъ два новенькихъ блестящихъ гривенника, а теперь вы виѣшне потускнѣли, но также безудержно кружитесь въ вальсѣ...

Я смотрю на профессора Даватца и почему-то думаю, что съ нами здѣсь и другой чеховскій поручикъ артиллеріи съ длинной нѣмецкой фамиліей — баронъ Тузенбахъ-Краузе-Альтшауеръ, — но гордый тѣмъ,

что онъ русскій и служить въ арміи. А Е. В. Глуховцова напоминаетъ мнѣ одну изъ сестеръ, обожженную хъ революціей. Она побывала, наконецъ, въ Москвѣ, въ ужасѣ бѣжала оттуда, и теперь снова мечтаетъ о ней, но уже по иному. Сейчасъ Россія стала завѣтной Москвой.

А гдѣ же несуразный мрачный Соленый? Онъ, навѣрное, остался тамъ и служить „военспецомъ“...

— Грандъ-рондѣ! А дру-а-а!

Да, другая эпоха. Была ли она на самомъ дѣлѣ, или ее только выдумалъ Чеховъ? Или все, что было потомъ — только навожденіе, марс-ис? А то, что я вижу сейчасъ — нарочитая инсценировка, волнующая стилизація?..

Я знаю, тамъ вырублены сейчасъ вишневые сады, какъ молокомъ залитые каждую весну. Не уцѣлѣли и палисадники при старыхъ усадьбахъ съ дорожками, покрытыми осенью шуршащими желтыми листьями кле-на и орѣха. И вмѣсто старыхъ полковыхъ маршей разухабисто гремитъ сейчасъ, перекатываясь по опоганенной русской землѣ, интернационалъ, и завѣтныя мечты о Москвѣ у трехъ русскихъ сестрицъ давно смѣнились мечтами о пайкѣ...

Пусть такъ. Не страшно это. И знаешь, какъ никогда, что это временно, что мы еще не только отдохнемъ, но и дѣйствительно увидимъ въ алмазахъ небо нашей родины.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: и Вершинины, и бароны Тузенбахи, и чеховскія сестры, что сейчасъ находятся въ этой комнатѣ, не тѣ, что были тогда.

Остался старый ароматъ, сохранились краски нѣжныхъ акварелей, но вмѣсто стараго „чеховскаго нѣтъ“ — и во взглядахъ, и въ словахъ — выступила совсѣмъ новая, раньше неизвѣстная черта:

— Упорство и воля.

Н. Ры-яскій.